

⁶ Богимово, село Ферзиковского района, усадьба Былим-Прончищевых. Здесь с 1936 по 2005 г. располагалась психиатрическая больница (психиатрическая колония, реорганизованная в отделение областной психиатрической больницы).

⁷ Городская управа – административный оккупационный орган (глава Н.С. Щербачев), располагалась в здании Калужского зооветеринарного техникума (ул. Герцена, 34).

⁸ Температурная шкала предложена в 1730 г. французским естествоиспытателем Р.А. Реомюром, который описал изобретенный им спиртовой термометр. 1°R равен 1.25 °C.

⁹ А.В. Фадеев (1878–1942), выпускник Строгановского художественно-промышленного училища, бывший учитель рисования в реальном училище, научный сотрудник Калужского художественного музея.

¹⁰ Имеется в виду областная школа-интернат для глухонемых детей.

¹¹ Речь идет о радиообращении А. Гитлера к нации по случаю открытия кампании «Зимней помощи» от 3 октября 1941 г.

¹² Здание Краеведческого музея (ул. Пушкина, 14), бывшая усадьба Золотаревых-Кологривовых.

¹³ Юлия Дмитриевна Ерохина, двоюродная сестра М.В. Устрялова.

¹⁴ Земская управа была создана оккупантами для административного управления Калужским районом.

¹⁵ Кинотеатр «Ударник» (дореволюционный синемаграф «Унион») располагался в здании нынешнего Театра юного зрителя на ул. Театральной. Показывали музыкальный фильм «Королевский вальс».

¹⁶ М. Сальникова проживала в доме Устряловых.

¹⁷ Вероятно, имеется в виду роман М.А. Алданова «Девятое термидора» из тетралогии «Мыслитель».

¹⁸ Имеется в виду территория закрытого после революции 1917 г. мужского монастыря Успения Пресвятой Богородицы Свято-Тихонова пустынь. В 1918 г. монастырь был объявлен «первым советским культурным хозяйством им. Ленина». С начала 1920-х гг. здесь размещался сельскохозяйственный техникум для инвалидов, через некоторое время в стенах обители была расквартирована воинская часть.

¹⁹ Андрей Яковлевич Павлишак, отец известного калужского художника И.А. Павлишака.

²⁰ Вероятно, имеется в виду маршал Б.М. Шапошников, в июле 1941 г. – мае 1942 г. начальник Генштаба РККА.

²¹ Монастырский (Кооперативный) поселок располагался на территории бывшего женского Казанского монастыря. Здесь оккупанты создали еврейское гетто.

²² С.Д. Кудрявцев, помощник городского головы во время оккупации.

Перипетии войны

С детства сохранилась в памяти краткая надпись на немецком языке – «К шоссе», сделанная черной краской на одном из белых каменных уступов над ступенями старой симферопольской лестницы, вырубленной в Петровских скалах и спускающейся к дороге, ведущей в Ялту. Пожалуй, в ту пору для меня это было единственное непосредственное свидетельство о периоде немецкой оккупации Крыма, чудом сохранившееся в заброшенном городском углу. Несмотря на то что моя бабушка пережила оккупацию в Ялте, почти все, что я знал о том времени, носило на себе печать позднейшей редакции: книжки, посвященные борьбе крымских партизан и подпольщиков, их выступления перед нами, тогдашними школьниками и т.д. Специальных разысканий по истории войны и периода оккупации никогда не вел. Кое-что из прочитанного позднее, конечно, внесло в сформированный с детства образ существенные коррективы. Но 2 сравнительно недавно опубликованных личных дневника*, создававшихся главным образом в занятых немцами Ялте и Симферополе, я читал, словно заново открывая для себя хорошо знакомые здания, улицы, спуски и переулки, у которых, оказывается, еще до меня, была такая история! В этих за-

---

* *Лашкевич Х.Г.* Дневники [1941–1942 гг.] // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. Специальный выпуск: Крым в Великой Отечественной войне: дневники, воспоминания, исследования. Вып. 5 / В.Ф. Козлов (глав. ред.), А.В. Ефимов (зам. глав. ред., сост.). М., 2003. С. 232–332; *Хабарова З.А.* Дневник [1939–1944 гг.] // Там же. С. 333–376.

метках, мне хотелось бы, прежде всего, не столько поделиться с читателями своими личными ощущениями от узнавания прошлого тех мест, где я родился и вырос, сколько дать голос авторам этих уникальных документов, возникших хотя и «по соседству», но совершенно независимо друг от друга, написанных очень разными людьми, и в то же время попытаться выяснить некую связь, перекличку между обоими дневниками. Помимо общих обстоятельств места и времени то, что их объединяет, это, конечно, разнообразные свидетельства неожиданностей, странностей и парадоксов войны, увиденной не из фронтового окопа, партизанской засады или конспиративной квартиры, а просто из родного дома, двора, или с давно знакомой городской улицы.

В далекие, баснословные времена, как всем хорошо известно, младший сын мельника отказался в последнюю минуту от намерения съездить полученного в наследство kota и даже заказал ему пару сапог, за что тот его отблагодарил с лихвой. Обыденности войны, зафиксированные в этих дневниках, заставляют по-иному взглянуть не только на привычные схемы восприятия военного времени¹, но и на самые невероятные перипетии известного сказочного сюжета.

«У этих русских даже кошки ненормальные»

16 июля 1940 г. ялтинская школьница Зоя Хабарова сама отметила свое 13-летие, о котором все почему-то забыли, сделав себе типичный детский подарок: в санатории, где работала ее мама, подобрала большого котенка, у которого был перебит позвоночник от упавшей на него крышки кухонного котла. Постфактум подарок приобрел необходимую легитимность: «Мама согласилась не выбрасывать кошку» (17 июля 1940 г.; с. 340). Война не только для этой горбатой кошки, но и для ее хозяев, по-настоящему началась в начале ноября 1941 г., когда Красная армия оставляла город. Семья Хабаровых была вынуждена временно покинуть свою квартиру, оставив там только кошку и вещи.

«3-го начали взрывать Ялту. Ночью мы смотрели, как горит Набережная, большие дома, санатории. <...> Мама в ужасе – у нас все сгорит. <...> Когда пришли в квартиру, нам навстречу выскочила наша кошка. У нее тряслась голова, и она страшно мяукала. Ведь кругом все горело и взрывалось». Асфальт на Набережной раскалился настолько, что по нему нельзя было ходить (10 ноября 1941 г.; с. 348–349). Испытав в тот день воистину нечеловеческий ужас, эта кошка избежала печальной участи своих «сородичей» в голодные военные годы. Наоборот, уже зимой 1942 г. она стала успешно добывать корм не только себе, но и своим хозяевам. «30 января. <...> У нас во дворе немецкий склад продуктов. Пришел немец, который там работает, просит дать ему нашу кошку (В семье Хабаровых знали иностранные языки, Зоя владела немецким. – С.С.). В Ялте съели всех кошек и собак. Папа не хотел давать, а потом пошел на ночь вместе с кошкой. Она поймала за ночь штук 10 крыс. Утром немец дал большую банку тушенки, хлеб, паштет. 1 февраля. Кошка уже одна ловила крыс. И опять немец принес продукты» (с. 356).

Она не только подкармливала хозяев, но и предупреждала их об опасности. После прихода немцев город – район Морского порта и Набережной в особенности – стал объектом постоянных налетов советской авиации, а подчас и ударов с моря. За время оккупации семья была вынуждена дважды менять свое местожительство в Ялте, но оно всегда оставалось на Набережной (вблизи Морской улицы) или находилось недалеко, в 100 м от моря.

«1 мая [1942 г.]. Нас стали бомбить ежедневно. У нас интересная кошка. Она чувствует, что будет бомбежка, и ведет котят под лестницу на 1-й этаж. Мы теперь чаще живем под лестницей, а не на 2-м этаже» (с. 358). «28 мая. Вчера с вечера не успели спуститься под лестницу, *хоть кошка бегала, звала* (курсив здесь и далее мой. – С.С.). Сидели на балконе, потом легли спать в комнате. <...>. И вот тут громыхнуло. Наши с подводной лодки пустили торпеду. У нас заклинило замок. В половине близлежащих домов повывлетали стекла» (с. 359). «5 октября. Вчера соседи не хотели идти в подвал. Легли спать дома. Мы пошли под лестницу. *Кошка мяукала, как никогда*. Тогда папа пошел уговаривать соседей идти вниз. Только они начали спускаться, как громыхнуло снарядом с моря. Наш дом из диорита, а зашатался» (с. 362).

Последняя запись о необычной кошке появилась в дневнике Зои 1 января 1944 г., когда она с родителями жила уже в Симферополе, по соседству с разместившимся этажом ниже немецким генералом и его адъютантом². «Мы ушли встречать Новый год. <...> Сегодня пришли, а у нас у дверей полно обгоревших спичек. Бежит адъютант и заявляет, что мы их утопили. <...> Немцы поднялись к нам. Передняя залита водой по щиколотку, и наша кошка бегаёт по воде. Она привыкла купаться, открыла кран на кухне и веселится. Генерал посмотрел и говорит: “У этих русских даже кошки ненормальные”» (с. 373).

«Кажется, война была всегда»

В начале войны, комментируя в своем дневнике оптимистические сводки Информбюро и отклики населения, пожилой симферополец Хрисанф Гаврилович Лашкевич отмечал между ними явную нестыковку: «Обыватели следят за местной жизнью и делают из наблюдений свои выводы: “Семьи НКВД эвакуируются... значит, немцы скоро придут к нам”» (13 июля 1941 г.; с. 238–239). Подобные же противоречия фиксировались и Зоей Хабаровой: «5 сентября. <...> Целый день говорят об успехах на фронте и отступают» (с. 346); «10 сентября. Напротив нашего дома мол и маяк. Маяк больше не светит, а мол взрывают недалеко от морского вокзала. А зачем взрывать, если Крым не отдадут» (там же). Накануне прихода немцев резкий разлад между официальными установками и настоящим положением дел был слышен в Ялте, судя по Зоиному дневнику, даже из репродуктора: «По радио кричат: “Солнечный Крым не отдадим врагу!”. И вдруг врывается немецкая речь, а потом музыка» (29 октября 1941 г.; с. 347). Можно только догадываться, какую реакцию этот диссонанс вызывал в душах слушателей.

Но, изверившись в пропаганде, иные советские граждане утратили вместе со слепым доверием к ней элементарный инстинкт самосохранения. «Здравый смысл» сыграл с ними в данном случае жестокую «шутку». Особенно выразительно об этом повествует дневник 14-летней девочки. Как и в других городах, куда приходили немцы, в Ялте уже 12 декабря «повесили приказ: “Всем евреям собраться в гестапо с вещами в течение 3-х дней”. Евреи потащились. Несут кровати, матрацы, ковры, чемоданы. Папа встретил знакомого врача. Говорит ему: “Беги в лес”. А тот отвечает: “Нас отправят в Палестину”. Папа ему говорит, что везде, где немцы, давно уже всех [евреев] перестреляли. А тот твердит свое: “Немцы люди культурные, они не обманут, а большевики все врут”. Отец просил его оставить у нас хоть дочь. Но он не хочет» (с. 351). Финал этого «путешествия в Палестину» наступил 18 декабря: «Весь день в Массандре бил пулемет. Расстреливали евреев» (19 декабря 1941 г.; с. 352).

Для людей, оставленных жить в оккупации, одна из главных неожиданностей этой войны заключалась в том, что по-настоящему ее прочувствовать им подчас доводилось от действий *своих, советских*. Именно в таком положении оказались Зоя и ее родители: «12 декабря [1941 г.] <...> Начались налеты нашей авиации, но гибнут только русские» (с. 352); «16 декабря. Вчера разбомбили нашу школу. Больше ходить некуда. Хорошо, что никого не убили. Чем не понравилась школа?» (там же); «1 февраля [1942 г.]. <...> Почему наши самолеты так бомбят? Ведь гибнут здания и русские. Два немца впервые» (с. 356); «1 мая. <...> Вчера шла по Набережной домой, сзади шла девочка. Вдруг на бреющем налетел наш самолет. Я видела его лицо. Он сбросил бомбу. У “Интуриста” стоят хорваты. Они закричали: “Ложись!”. Все произошло мгновенно: выскочил хорват, дал мне подножку, я упала. Бомба взорвалась у городского сада. Девочку убило осколком. Хорват отвел меня домой. Меня трясло. Немцы громят Севастополь, а наши “Соколы” Ялту» (с. 358); «28 мая. <...> Чем я была виновата и та девочка? Ведь нас было только двое на Набережной. И летчик видел, а бросил на нас бомбу, да еще стрелял из пулемета. А еще советский» (с. 359); «8 июля. <...> Почему русские самолеты нас так зверски бомбят?» (с. 360); «5 октября. <...> Ну почему наши так нас уничтожают? Ведь немцы живы-здоровы» (с. 362). Недоумения, вызванные конфликтом между довоенным советским воспитанием Зои и реалиями войны, подытожены грустной констатацией в записи от 25 октября: «Кажется, война была всегда. Я уже ничего [другого] не помню» (с. 362).

В условиях, когда рушились не только идеологические штампы и представления предвоенного времени, но и выработанные у части общества приемы их интерпретации («с точностью до наоборот»), востребованными оказались иные пласты культуры. То, что до войны, по ироническому замечанию Х.Г. Лашкевича, служило свидетельством, «безошибочно выявляющим контрреволюционность», серьезным поводом для «нападок» – «побелка квартиры к Пасхе», вывешенные в доме иконы (13 октября 1942 г.; с. 329), демонстрация дворянского происхождения или опыта военной службы в офицерских чинах (с. 328), – становится для русских, живущих в оккупации, по меньшей мере, одним из способов выживания. «Появилась масса бывших дворян и помещиков, с самой утробы матери пропахших рабочим или крестьянским потом. У многих лиц давно сгнившие покойники, просидевшие весь свой век писцами, конторщиками, продавцами или ассенизаторами, оказались бывшими офицерами», (13 октября 1942 г.; с. 328), – иронизировал Лашкевич, объясняя такое поведение людей только как попытку «завуалировать себя под антибольшевизм», способ «спасения». Но сдвиг в том же направлении произошел и по другую сторону фронта, где необходимости в наигранной мимикрии не было. Если на оккупированной немцами территории «бывшие» вошли в моду, то в самой Красной армии возродились офицерские традиции, вернулись погоны. Новое сочетание старой и революционной символики, как и

очередное перевоплощение тех, кто пережил войну в оккупации, бросились в глаза уже 16-летней Зое в первые дни после изгнания немцев из Симферополя: «На улицах полно наших солдат и офицеров. Они теперь в погонах. И еще полно людей с красной ленточкой. Говорят, что это партизаны. Наши директор школы тоже с ленточкой» (15 апреля 1944 г.; с. 375). Эти перипетии войны в подростковом Зоинном дневнике фиксируются почти бесстрастно, иногда с едва различимым недоумением. Она живет *настоящим* и только им.

Но Лашкевич – человек с прошлым³, которое помогает ему, в отличие от многих других людей, оказавшихся в оккупации, не только приспособливаться к новой реальности, но и вопреки самым жестоким разочарованиям 1941–1942 гг. верить в победу над немцами. Гнетущим неожиданностям войны он противопоставляет восходящий к древнегреческой философии способ их объяснения (и нейтрализации) парадоксами – высказываниями, которые кажутся странными, даже противоречащими здравому смыслу, но при ближайшем рассмотрении оказываются верными и основательными: «Я верю, я знаю, я убежден в том, что конечная победа принадлежит нам, – пишет Лашкевич, формулируя и обоснование этого тезиса в парадоксальной форме. – У меня есть неопровержимое доказательство моих убеждений. Аристотель! Величайший ум всех веков. Я изучал твою “логику”. Спасибо тебе: ты научил меня верить тому, что дважды два есть четыре» (31 октября 1941 г.; с. 243).

К концу 1942 г. когда, немцы, остановленные под Москвой, сумели южнее захватить громадную территорию, дойдя до Волги и Северного Кавказа, а представление об их непобедимости стало весьма широким (17 августа 1942 г.; с. 274; 13 октября 1942 г.; с. 328), Лашкевич задавался, на первый взгляд, странным вопросом: «Против чего они ведут войну: против пространства или против реальной силы?» (12 октября 1942 г.; с. 326). Реальная сила, согласно сформулированному им парадоксу, – это Московский район и территории на северо-восток и на восток от Москвы, промышленно развитые, густо населенные, обладающие развитой сетью дорог и тесно связанные «путями сообщения с главным поставщиком вооружения Уралом и с поставщиком хлеба и мяса Сибирью». В отличие от этих районов «обширнейшие пространства», захваченные немцами на юге, по численности и густоте населения уступают «московскому и замосковским районам»; дорожная сеть развита там слабее; созданный до войны промышленный потенциал разрушен (12 октября 1942 г.; с. 325). «Обрисовка ясна. Пока немцы не овладеют Москвой и замосковскими центральными районами, до тех пор об их победе над СССР говорить не стоит» (12 октября 1942 г.; с. 326), – делал вывод этот своеобразный ученик древнегреческих мудрецов.

«Не верится, что где-то война»

В конце ноября 1942 г. вся Зоина семья, измученная постоянными бомбежками и дефицитом продуктов питания, перебралась в Симферополь, где, как им сообщал один из родственников, течет «совсем другая жизнь. Есть школы, театр, кинотеатр, на рынке все есть и не бомбят» (30 сентября 1942 г.; с. 362).

В Симферополе действительно оказалось лучше, чем в Ялте. В этом городе у Зои возникло ощущение новой жизни, открывавшей для нее много такого, чего она прежде просто не знала. «В школе нам дали абонементы, чтоб ходить бесплатно в кино. Картины немецкие такие интересные. Я посмотрела уже две: “Коза Тедри” и “Индийская гробница”⁴. В кинотеатре продают фотографии немецких артистов по 5 рублей. Мировые фотографии. Какие платья! Я таких никогда не видела. А на одной артистке брюки и свитер. Вот бы мне такие» (10 января 1943 г.; с. 366); «Я уже два раза ходила в театр. Приезжают артисты из всех стран. Идут и наши спектакли. Смотрела “Маленькую шоколадницу”⁵ и реву из Парижа. Так здорово. Такие костюмы потрясные. В театре в фойе две двери. В одну входят немцы, в другую – русские» (1 марта 1943 г.; с. 368). Восхищение перед театром, платьями и костюмами, вполне естественное для девочки-подростка, смазывало в сознании Зои мельком зафиксированное неравенство зрителей. В Симферополе она познакомилась и с немецкими солдатами, которые заходили вечерами в гости к ее подругам – «просто посидеть» (24 декабря 1942 г.; с. 365). «Мы живем на одной улице, так что комендантский час не страшен. Когда у них бывают солдаты, то кто-нибудь нас разводит по домам» (21 января 1943 г.; с. 367).

Ко времени переезда Хабаровых в Симферополь прошел год, как немцы появились в Крыму: «За этот год я уже много увидела и поняла. Зачем эта война? Ведь не хотят немцы умирать, и наши не хотят. Зачем столько жертв? Зачем голод, холод, расстрелы? <...> Зачем столько людей бросили все и уехали неизвестно куда и зачем? Все разрушено. Свои взорвали Ялту – самый красивый город, свои разорвали душу. Зачем меня хотел убить свой, советский летчик на

Набережной?» (24 декабря 1942 г.; с. 365); «Неужели многие немцы не любят Гитлера и хотя бы только домой? А ведь нам говорили, что все они убийцы, грабители, и рисовали плакаты – немцы с рогами. А эти смеются, рассказывают, какая прекрасная Германия и как мерзко на фронте» (21 января 1943 г.; с. 367).

В мае 1943 г., когда школа была закончена, свободного времени стало гораздо больше. Встречи подруг с немецкими солдатами продолжались: «20 мая. <...> Каждый день хожу в кино. В театр через день. Там все время новые программы. По вечерам часто собираемся то у Люси, то у Ольги» (с. 370). «20 августа. <...> Много читаю. Хочу увидеть другие страны. Хочу в Германию, Францию, Англию. Немцы млеют от восторга, вспоминая свою родину. Мопассан так точно описывает Францию, Париж. Диккенс! Конан Дойль! Мне кажется, что я там уже побывала» (с. 371). Ностальгические рассказы уставших от войны солдат и чтение зарубежной классики, дополняя друг друга, рисовали для девушки новый мир, перед которым ожесточенности и конфронтации военного времени, если не ступшеывались совсем, то все-таки отступали на задний план. Характерно в этом плане и Зоино восприятие стран Запада – без деления их на противников и союзников СССР в идущей войне. Да и жившие в одном доме с семьей доктора Хабарова немцы стали на переломе войны, как заметила Зоя, «совсем другими»; «здороваются, как добрые соседи» (1 мая 1943 г.; с. 369).

В конце 1942 г., незадолго до отъезда из подвергавшейся постоянным бомбежкам Ялты, ей казалось, что «война была всегда», ничего другого она не помнит. Спустя год, несмотря на то что фронт проходил уже совсем рядом, дневник фиксирует кардинально иное настроение: «Не верится, что где-то война» (31 октября 1943 г.; с. 372). Иллюзия мирной жизни, заложницей которой становилась взрослевшая девочка-подросток, могла для нее обернуться тяжким исходом⁶. Ведь, судя по записям Лашкевича, наиболее распространенной и осуждаемой массой населения формой русского «коллораборационизма» стало поведение девушек, гулявших с немцами. В то же время командование вермахта поощряло своих солдат и офицеров к установлению самих близких отношений с русскими женщинами, а тем из них, которые уже ожидали потомства от немецких мужчин, были строго запрещены аборты (3 августа 1942 г.; с. 310). Как официально разъяснялось, все дети, «родившиеся у русских женщин от немецких воинов... будут считаться немцами» (с. 311)⁷.

Размышляя на эту тему, Лашкевич разошелся и с теми соотечественниками, которые бескомпромиссно осуждали «немецких проституток» (с. 309) и с дальними видами немецкого командования пополнить численность разредившегося от войны немецкого населения за счет детей, рожденных от русских женщин. В соответствии с иными представлениями об исходе войны, но, следуя той же логике, он считал, что СССР также «необходим прирост населения, хотя бы и от немцев: страна обезлюдет и неоткуда будет достать новое поколение, так необходимое при общем росте других, менее пострадавших от войны народов». Итог его размышлений вылился в форму еще нерешенной к лету 1942 г. дилеммы: «Кто окажется прав: немцы, ожидающие от русских женщин немецкого потомства, или я, ожидающий от немецких солдат русского потомства?» (с. 311).

Ожесточенность, порождаемая войной, в данном случае уступала место дальновидному прагматизму. Это был еще один парадокс, выведенный Лашкевичем и действительно оразивший причудливую логику войны: обескровливая противостоявшие друг другу народы, она укрепляла их кровную связь.

**С.С. Секиринский, доктор исторических наук
(журнал «Российская история»)**

Примечания

¹ Именно несоответствием дневника З.А. Хабаровой укорененным стереотипам во многом объясняется, на мой взгляд, развернувшаяся в Интернет-сообществе дискуссия о степени его достоверности. См.: Дневник Зои Хабаровой – подделка или подлинник? (Электронный ресурс: <http://poltora-bobra.livejournal.com/57629.html>); Дневник Зои Хабаровой – исторический документ или новодел? (Электронный ресурс: <http://www.sevastopol.ws/Forums/?file=viewtopic&t=3784&postdays=0&postorder=asc&start=0>); Цусимские форумы: История войны на море с древнейших времен до наших дней (Электронный ресурс: <http://tsushima.su/forums/viewtopic.php?id=1275>). Возникновению сомнений относительно подлинности дневника способствовал и характер его публикации – без археографических комментариев. Как мне удалось выяснить летом 2010 г. при личной встрече с З.А. Доброхотовой (Хабаровой), дневник хранился в ее личном архиве. Подготовив к публикации рукописную копию дневника, оригинал она уничтожила.

Я разделяю точку зрения тех участников дискуссии, которые, допуская возможность какой-то редакторской правки и сокращений, не находят оснований сомневаться в том, что в основе своей опубликованный текст возник в то время, которым датирован, т.е. в 1939–1944 г. Аналогичные сомнения о полной аутентичности обнародованных текстов были высказаны и самими публикаторами дневника Х.Г. Лашкевича, который сохранился только в машинописной копии в фонде созданной 23 апреля 1944 г. Крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны (Государственный архив Автономной Республики Крым (далее – ГА АРК), ФП. 156 (Крымская комиссия по истории Великой Отечественной войны), оп. 1, д. 31, л. 51–115). Любопытно, что если основанием для сомнений в подлинности дневника Хабаровой служат в том числе некоторые ее высказывания и наблюдения, не отвечающие привычным стандартам советского мировоззрения (хотя автору дневника во время его написания было только 13–16 лет), то в дневниковых записях Лашкевича их публикаторов (и М.Н. Шульженко, ведущего специалиста ГА АРК, и редакцию альманаха «Крым в Великой Отечественной войне») смущают не только очевидные приписки, датируемые 1943 и 1944 гг., но и чрезмерная ортодоксальность, отсутствие критики в адрес советской власти и абсолютная вера автора дневника, охватывающего в основном 1941–1942 гг., в победу над немцами. Иначе говоря, они допускают известную правку дневника уже после освобождения Симферополя в апреле 1944 г. (с. 233, 234). Что касается не слишком уверенно высказанных сомнений в безусловной убежденности Лашкевича «в победе советского оружия» (см. характерные оговорки по этому поводу на с. 235), то они представляются мне другой неоснованной крайностью, навеянной тенденцией к преодолению советских стереотипов.

² Отец Зои был стоматологом, и в Симферополе ему удалось развернуть врачебную практику.

³ Как сообщает в предисловии к публикации этого дневника М.Н. Шульженко, «Хрисанф Гаврилович Лашкевич родился в 1860 г. в Макеевке (ныне Донецкая область). Зубной врач по профессии, он прибыл в Симферополь из Харькова в 1916 г., поселился в доме № 6 по Фабричному спуску, где и прожил всю оставшуюся жизнь. В книге для прописки граждан за 1942–1944 гг. записано, что Лашкевич Хрисанф Гаврилович, вдовец, инвалид-пенсионер, находится на иждивении Тихонова Сергея Васильевича (вероятно, приемного сына или племянника)» (с. 232). В то же время в опубликованной на следующей странице фотокопии отрывного талона листка призыва, выданного Лашкевичу в Симферополе в январе 1942 г., в графе год рождения прочитывается другая дата: 1886 г. Таким образом, в 1941 г. автору дневника был то ли 81 год, то ли 55. Судя по его активным перемещениям по городу, фиксируемым в дневнике, второе вернее. Публикатору не могла быть известна статья-справка, содержащаяся в изданном в 2008 г. под грифом НАН Украины и ряда других компетентных организаций пятом томе научно-документальной серии книг «Реабилитированы историей», посвященном Донецкой обл.: «Лашкевич Хрисанф Гаврилович, 1886 года рождения, г. Макеевка Донецкой области, русский, высшее образование, беспартийный. Завхоз отдела народного образования. Проживал: г. Макеевка Донецкой области. Арестован 22 января 1933 г. Данных про осуждение нет. Реабилитирован в 1955 году» (Реабилитированы историей. Донецкая область. Книга пятая. Донецк, 2008. С. 122 (на украинском языке) (Электронный ресурс: www.reabit.org.ua/files/store/Don5.pdf.pdf). Совпадение фамилии, имени (довольно редкого!), отчества, места и (вероятно) года рождения заставляют предполагать, что речь идет об одном и том же человеке. Но в статье о реабилитированном Лашкевиче из Донецка ничего не сказано о его проживании в Симферополе с 1916 г.! Таким образом, вопрос о тождестве этих двух личностей и достоверной биографии симферопольского Лашкевича остается открытым.

⁴ Фильм режиссера Джо Майо (Германия, 1921 г.). Не путать с фильмом другого немецкого режиссера Фрица Ланга 1959 г.

⁵ Водевиль французского драматурга Поля Гаво.

⁶ Не обернулась. А возникшая в те годы мечта посетить дальние страны сбылась спустя 30 лет. Об этом мне рассказала сама З.А. Доброхотова (Хабарова). Закончив после войны Крымский медицинский институт, она работала стоматологом, вышла замуж за человека с высоким, по меркам советского времени, социальным статусом, и уже в более позднее время многократно выезжала за рубеж, повидала мир.

⁷ Как полагал Лашкевич, в этом плане русские женщины пользовались в глазах немецких властей даже преимуществом перед «караимками, армянками и татарками», ведь «имелось в виду появление арийского потомства, а какой же ариец произойдет от армянки или от татарки?» (3 августа 1942 г.; с. 309). Разумеется, вопросы о том, насколько подобная практика согласовывалась с широко известными расовыми теориями нацистов и в отношении славян, и какое все-таки будущее ожидало детей, рожденных русскими женщинами от немцев, в случае победы Германии, требуют специального анализа, выходящего за рамки моих заметок. Сам автор дневника рассматривал эту практику оккупационных властей как свидетельство того, что «немцы выработали определенный план не только завоевания нашей страны, не только порабощения ее, но и полного, совершенного онемечивания» (6 августа 1942 г.; с. 311).